

Рузанов С.А.

УДК - 93/94

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ «КОНСТИТУЦИОННОГО КРИЗИСА» 1993 Г.

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются социально-политические аспекты и итоги «конституционного кризиса» в Российской Федерации 1993 г. Освещается проблематика взаимоотношения власти и общества в свете становления новой политической системы после ликвидации основ «советского парламентаризма» в России.

Особо рассматривается проблема легитимации новой политической системы и связанных с ней противоречий, заложенных Конституцией 1993 г. А также – вопрос о трансформационных процессах самой парламентско-президентской республики в Российской Федерации в 1993-99 гг.

Ключевые слова: Конституционный кризис, события сентября-октября 1993 г., Конституция 1993 г., Государственная дума, президентская республика, выборы 1993 г., Референдум 1993 г., электоральный процесс.

Анотація. У справжній статті розглядаються соціально-політичні аспекти і підсумки «конституційної кризи» в Російській Федерації 1993 р. Освітлює проблематика взаємовідношення влади і суспільства в світлі становлення нової політичної системи після ліквідації основ «радянського парламентаризму» в Росії.

Особливо розглядається проблема легітимації нової політичної системи і пов'язаних з нею протиріч, закладених Конституцією 1993 р. А також – питання про трансформаційні процеси самої парламентсько-президентської республіки в Російській Федерації в 1993-99 рр.

Ключові слова: Конституційна криза, події вересня-жовтня 1993 р., Конституція 1993 р., Державна дума, президентська республіка, вибори 1993 р., Референдум 1993 р., електоральний процес.

Summary. This article examines the social and political aspects and the results of the “constitutional crisis” in the Russian Federation in 1993. It highlights the problems of the relationships between the government and society in the process of formation of a new political system after the elimination of the basis of “the Soviet parliamentarianism” in Russia.

The article demonstrates the problem of legitimating a new political system and associated with it contradictions designed in the Constitution of 1993. And also, it points out the issue of the transformation processes of parliamentary-presidential republic in the Russian Federation in 1993-1999.

Key words: constitutional crisis, the events of September-October 1993, the Constitution of 1993, the State Duma, presidential republic, the elections of 1993, Referendum of 1993, electoral process.

Постановка проблемы. Антиконтитуционный государственный переворот сентября-октября 1993 г. заложил основы новой государственности, пришедшей на смену «августовской» «демократической» Республике (по определению Р.И. Хасбулатова). Одновременно с этим, именно события, связанные с разгоном советского парламента и октябрьским восстанием в Москве, стали тем фоном, на котором происходило последующее шестилетнее президентство Ельцина. Последствия этих событий по-прежнему остаются определяющими для развития постъельцинской России.

Анализ исследований и публикаций. Проблемам взаимоотношений власти и общества в свете становления новой политической системы после ликвидации основ «советского парламентаризма» в России посвящают свои расследования отечественные и зарубежные журналисты и политологи.

Антонио Рубби первому десятилетию постсоветской истории России посвятил «Ельциниаду» Он пишет со страстью человека, сопережившего это десятилетие вместе с народом России, и в то же время сохраняет дистанцию иностранца, видя многое из того, что мы не могли увидеть изнутри. Его книга, результат большого исследовательского труда и пронизана личными переживаниями за судьбы России, гневом и болью за непродуманные амбициозные решения, за ушедшие в песок реформы, за утраты и разочарования. Л. Ф. Шевцова – российский политолог, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник центра Московского Центра Карнеги ставила перед собой цель проанализировать не только характер, стиль правления Ельцина, но и те конфликты и противоречия, которые расшатывали его режим, а также основные проблемы, которые России пришлось решать в посткоммунистический период. Правление Ельцина исследуется на фоне важнейших событий, которые происходили в 90-е годы.

Смирнов В. М. в своих исследованиях утверждает, что абсолютно за каждой российской избирательной кампанией тянется длинный шлейф подтасовок, судебных процессов и скандалов, после которых в честность проходящих в России выборов не верят даже дети. В своей книге он хочет показать, почему так происходит и в чем состоит механизм общероссийского избирательного фарса.

Основная цель статьи: рассмотреть проблему легитимации новой политической системы и связанных с ней противоречий, заложенных Конституцией 1993 г. А также – вопрос о трансформационных процессах самой парламентско-президентской республики в Российской Федерации в 1993-99 гг.

Изложение основного материала. «Поэтапная конституционная реформа», первый месяц которой «унес примерно равное количество человеческих жизней» с первым месяцем афганской военной кампании¹, завершилась к декабрю 1993 года. К этому времени конституционная комиссия завершила разработку проекта новой Конституции страны для последующего внесения на всенародный Референдум, который, по

¹ Новая еженедельная газета. № 45 от 22.10.1993.

замыслу его организаторов, должен был пройти одновременно с выборами первого постсоветского парламента – Государственной думы.

Поспешность, с которой новый политический режим стремился совместить одновременно два важнейших конституционных акта – референдум по одобрению Конституции и выборы в новый парламент страны (т.е. орган, который до принятия Конституции юридически не мог существовать!) – могла иметь только одно объяснение. Правящая группа, сплотившаяся вокруг президента Б.Ельцина в ходе государственного переворота сентября-октября 1993 г., стремилась получить хотя бы «формальное добро на свое существование»² в рамках системы власти, которая начала выстраиваться в России на базе «сверхпрезидентской» Конституции. Однако данная юридическая коллизия, оставшаяся практически незамеченной современниками, имела далеко идущие последствия для становления нового политического режима, ставя на повестку дня вопрос о степени его легитимности (законности) в глазах соотечественников, так и граждан всего постсоветского пространства. И здесь, вопросов, оказалось гораздо больше.

Во-первых, Референдум 12 декабря показал неутешительные результаты для президента и его ближайшего окружения, инициировавших форсированную «конституционную реформу», завершившуюся силовым разгоном высших законодательных органов власти страны. За принятие Конституции проголосовали 58,4% избирателей (более 32 млн.). Против высказались 41,6% избирателей (порядка 23 млн.)³. Однако наиболее важным показателем стало даже не процентное соотношение голосов граждан, высказавшихся «за» или «против» основного закона страны в ходе всенародного волеизъявления, сколько **число явившихся** в этот день на избирательные участки. По официальным данным, явка граждан составила не более 54,3% избирателей⁴.

По данным независимых исследований, проводившихся по «горячим следам» Референдума 12 декабря, число проголосовавших была и того меньше – «не более 46% от списочного состава избирателей»⁵. Мнение социологов было однозначным: проект новой, «ельцинской» Конституции имел весьма сомнительную поддержку населения страны «при небывало низком кворуме и почти предельно допустимом числе голосов, поданных «за». А главное, подобные «минимумы поддержки» закладывали взрывоопасный потенциал для «последующих политических баталий по поводу правомочности» послеоктябрьской политической системы в целом.

Таким образом, итоги голосования 12 декабря обозначили не столько отношение к новой Конституции страны, получить безоговорочное одобрение которой стремились организаторы голосования, сколько обозначили степень поддержки, а фактически – «*текущую базу*» *социальной поддержки* нового режима «численностью в 30 млн. российских граждан из 106, и 72 регионов из 89»⁶.

Во-вторых, под вопросом оказывалась степень легитимности нового политического режима и по итогам голосования в новый законодательный орган власти страны, «нижнюю палату» Федерального Собрания РФ – Государственную думу. Как отмечает Лилия Шевцова, при том, что в выборах приняло участие порядка 54% избирателей, «только 20% участвовавших в выборах, или 10% избирателей» проголосовали «за президентский блок». Одновременно, продолжает Шевцова, «никогда еще не было так много недействительных бюллетеней (7%) и проголосовавших против всех кандидатов (17%), что явилось проявлением недовольства властью и всеми политическими силами»⁷.

О степени недовольства можно говорить еще и потому, что от выборов в новый парламент оказались отстранены практически все ведущие оппозиционные силы страны, принимавшие активное участие в событиях 2-3 октября 1993 г. в Москве. Деятельность ряда массовых общественно-политических движений «непримиримой оппозиции» («Трудовая Россия», ФНС, «Союз Офицеров», РКРП, и ряд других) попрежнему находилась под временным запретом, согласно распоряжению Министерства Юстиции РФ от 4 и 6 октября 1993 года⁸. Часть голосов протестного электората смогли «перехватить» официально допущенные до выборов партии и движения, позиционировавшие себя в качестве оппозиции курсу президента и правительства (в первую очередь, КПРФ и ЛДПР). Наиболее радикальная часть сторонников отстраненных от выборов оппозиционных партий и движений, выразили свое несогласие с «выборами на крови» либо голосованием «против всех», либо бойкотом Государственной думы и неявкой на избирательные участки.

Однако не только протестное голосование «против всех» или порча избирательных бюллетеней ставили в глазах общественности вопрос о легитимации (признания) нового парламента. В соответствии с президентским указом 1400 «О поэтапной конституционной реформе» в РФ избрание нижней палаты российского парламента (Государственной думы) подразумевалось сроком на два года с целью обеспечения условий «переходного периода». Однако на практике, степень зависимости новых парламентских институтов России от структур президентской администрации, заложенных новым Основным законом, уже в далеком 1994 г. позволяла ряду политологов говорить о «переходном» характере не столько Государственной думы, сколько парламентаризма в целом. А потому, если согласиться с утверждением, что

² Россия-2000. Современная политическая история (1985-1999). Т.1 : Хроника и аналитика. М., 2000. – С. 733.

³ Там же. – С. 259.

⁴ Смирнов В.М. Аферы на выборах. М., 2008. – С. 68.

⁵ Смирнов В.М. Указ. соч. – С. 70.

⁶ Россия-2000. Современная политическая история (1985-1999). Т.1 : Хроника и аналитика. М., 2000. – С. 733

⁷ Шевцова Л. Указ. соч.

⁸ Россия-2000. Современная политическая история (1985-1999). Т.1 : Хроника и аналитика. М., 2000. – С. 254.

Федеральное Собрание, образованное по итогам выборов 1993 г., «играло роль Учредительного», действующего «не как регулярный (2 года вместо 4 лет. – С.Р.) представительный орган той демократии, которая выступает сегодня в качестве ориентира, а как Учредительное Собрание, формирующее, закладывающее основы такой демократии»⁹, то удивляться эволюции российского парламентаризма в сторону «управляемой демократии» к исходу 2000-х гг. не приходится. Тем более, что существенное умаление конституционных функций законодательной власти в лице Федерального Собрания по сравнению с разогнанным Верховным Советом и, особенно, Съездом народных депутатов РСФСР, было очевидно даже невооруженным глазом.

В отличие от Съезда народных депутатов, являвшимся широчайшим, представительным форумом (число народных избранников, формировавших Съезд, достигало 1068 депутатов), число депутатов парламента «новой России» составило 450. Налицо – явное сокращение народной представительности более чем в два раза. И это притом, что Съезд народных депутатов РСФСР (в отличие, кстати, от Съезда «нардепов» СССР) избирался исключительно по одномандатным округам. Возможность избрания по партийным спискам исключалась. Теперь, в отличие от советского парламента, выборы в Государственную думу проходили на основе т.н. смешанной избирательной системы, при которой половина депутатского корпуса формируется из депутатов, избранных по одномандатным округам, остальная – по партийным спискам (заведомо «обезличенным»). Таким образом, реальная связь депутатов с избирателем все более терялась.

Как отмечает бывший эксперт Верховного Совета России Валерий Смирнов в своем исследовании, посвященном эволюции электорального процесса в России, если прежняя Конституция предусматривала, что «каждый депутат избирался примерно от 100 тысяч избирателей», то по новой «получалось, что депутата могут избрать только 500 тысяч избирателей...»¹⁰. Если «при Съезде народных депутатов... связь между кандидатом и его избирателями была непосредственной, то когда численность этих избирателей дошла до полумиллиона человек», стало понятно, что такая связь нереальна¹¹. «При такой системе, - резюмирует в своем исследовании В.Смирнов, - очевидно, что кандидата можно избрать, сделав его известным только через средства массовой информации, а, в свою очередь, доступ к СМИ контролирует либо то, кто имеет деньги, либо тот, кто имеет власть»¹².

Согласно Конституции 1993 г. российский парламента уже не обладал необходимым набором конституционных механизмов контроля (вплоть до отрешения от должности) над президентской властью, имевшихся в арсенале Верховного Совета и Съезда народных депутатов. Напротив, именно сверхконцентрация властных полномочий в руках президента Российской Федерации, заложенных в новую Конституцию страны, фактически освобождала президента от всякой ответственности перед парламентом, и граничила с установлением режима личной власти «практически в полном объеме конституционным путем». В режиме личной президентской власти, основанном в России «ельцинской» 1993 г. Конституцией, современниками без труда угадывались черты «конституционных монархий начала XIX века»¹³. «Президент является не просто главой государства, - констатировал А.Рубби, - но своего рода средневековым «государем»..., от коего зависят все другие ветви власти» и «чьи атрибуты независимости и автономии практически сведены к нулю»¹⁴.

Для журналистов и политологов, не вошедших в политическую обойму президента, становилось все более очевидным, что «на территории бывшего СССР возникает уникальный полусамодержавный режим»¹⁵. «Человек, который начал подыскивать способ навсегда закрепиться на посту президента, уже не остановится на полпути»¹⁶, - писал уже 22 октября 1993 г. политолог Глеб Павловский со страниц «Новой еженедельной газеты».

Необычайно широкие полномочия президента вызвали недоумение даже у ряда недавних сторонников Ельцина из числа «демократов первой волны». Экс-мэр Ленинграда А.Собчак: «Получается, что президент может действовать вообще бесконтрольно, обходиться без выборных конституционных органов. А это приводит только к произволу»¹⁷.

На не менее важный результат «поэтапной конституционной реформы», завершившейся принятием новой Конституции и основанием «суперпрезидентской республики», указывает другой экс-«демократ», бывший ректор РГГУ Ю.Афанасьев. «Именно тогда (после октября 1993 г. – С.Р.), - отмечает Ю.Афанасьев, - отчетливо вырисовался тот вектор, который был направлен на силовой способ решения общенациональных проблем».

С мнением Афанасьева нельзя не согласиться. Ведь именно тогда будут заложены те неотъемлемые элементы ельцинского «недогосударства» (формулировка профессора Р.И. Хасбулатова), которые составят основу отношения власти и общества в постсоветской России. Непременными атрибутами российского

⁹ Россия-2000. Современная политическая история (1985-1999). Т.1: Хроника и аналитика. М., 2000. – С. 737.

¹⁰ Смирнов В.М. Указ. соч. – С. 61.

¹¹ Там же.

¹² Смирнов В.М. Указ. соч. – С. 61.

¹³ Шевцова Л. Указ. соч.

¹⁴ Рубби А. Указ соч. – С. 223.

¹⁵ Новая еженедельная газета. № 45 от 22.10.1993.

¹⁶ Там же.

¹⁷ "Журнал российского права" № 9 за 2000.

политического процесса «по Ельцину» станут многочисленными угрозы роспуска Государственной думы, запрета отдельных партий (например, КПРФ в марте 1996 г.), неоднократные попытки введения чрезвычайного положения с целью переноса (или отмены) выборов, и так – вплоть до непродуманной военной авантюры на Северном Кавказе под флагом «восстановления конституционного порядка», а на самом деле для борьбы с режимом «заигравшегося в суверенитет» генерала Дудаева, до недавнего времени верного союзника Москвы.

Более того, на тесную взаимосвязь антиконституционного государственного переворота 1993 г. и последовавших за ним трагических событий в Чечне в своих дневниках совершенно справедливо указывал знаменитый отечественный историк М.Я. Гефтер, демонстративно покинувший Президентский совет сразу после октября 1993 года. По его мнению, с событиями в Чечне «пришла расплата за кровь 3-4 октября. Все, кто тогда перешагнул кровь, – соучастники всех нынешних и предстоящих преступлений»¹⁸. Трагические события в Чечне, приведшие к многолетней гражданской войне на территории России, во многом определяют характер «послеоктябрьского» политического режима.

Не менее трагическими окажутся последствия популистского тезиса президента Б.Ельцина периода его противостояния с Союзным центром, а следом и с Верховным Советом России: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить!» Данный принцип, возведенный в ранг национально-государственной политики, вкуче с резким ослаблением Центра и усилением самостоятельности субъектов Российской Федерации вплоть до открытого обсуждения местными элитами планов их суверенизации, грозил распадом самой Российской Федерации. Ситуация становилась настолько угрожающей, что влиятельные отечественные и западные эксперты предрекали скорый «парад суверенитетов» на территории России в точном соответствии с тем, что несколькими годами ранее происходил на территории СССР и завершился его разрушением.

Надо ли говорить, что все эти действия будут осуществляться президентом и его ближайшим политическим окружением в условиях тотального отсутствия гласности и всякого намека на учет интересов общественного мнения. Степень отчужденности новой «демократической» власти от общества можно судить по необычайно разросшемуся бюрократическому аппарату. За годы единоличного президентского правления Б.Ельцина (после ликвидации Верховного Совета и Съезда народных депутатов) число различных министерств, ведомств и государственных комитетов в одной только Российской Федерации «насчитывалось почти столько же», сколько во всем Советском Союзе: 73 – в РФ, 84 – в СССР¹⁹.

Однако дело было не только в новой бюрократии. Как справедливо отмечает политолог Г.Павловский, подлинной причиной государственной нестабильности и коррупции в невиданных прежде масштабах стала мощная прививка безнаказанности, полученная представителями ближайшего политического окружения президента в ходе октябрьского государственного переворота. «Вовлеченность государственных структур в антиконституционный процесс политически растлевает и чиновников, и (государственные) институты. Двухлетнее экспериментирование Ельцина с моделями диктатуры стало главным катализатором политической коррупции и государственной нестабильности»²⁰.

Вполне закономерно, что к исходу второго президентского срока Ельцина, вокруг президента сформируется достаточно устойчивая группа влияния, объединенная общим корпоративным интересом и контролирующая все важнейшие рычаги управления государством. Данная группа, включавшая в себя узкий круг высшего политического руководства, представителей финансового (олигархического) капитала, а также членов семьи самого президента получила точное наименование в отечественной и зарубежной прессе: «Семья» или «кремлевское политбюро»²¹. Именно в рамках данной политической группы, имевшей решающее влияние на тяжелобольного президента, будут осуществляться все важнейшие политические «рокировки» правящей элиты. Именно данная группа к исходу 1990-х будет искать механизмы неконституционной передачи государственной власти в стране при условии преемственности курса и неприкосновенности наиболее одиозных представителей «Семьи» в новых политических условиях.

Однако у российской Конституции имелась и обратная сторона. Несмотря на мощный крен в сторону авторитаризма, выразившийся в наделении широчайшими полномочиями института президентской власти (не случайно утверждалось, что «отцы Конституции» буквально «скроили» ее под кремлевского хозяина), Конституция имела и ярко выраженную демократическую тенденцию. Не случайно, что одна из первых базовых статей российской Конституции, Статья 3, провозглашала «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации ее многонациональный народ»²². В этой же статье подчеркивалось, что народ осуществляет свою власть «непосредственно», «а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». «Высшим непосредственным» выражением власти народа провозглашались «свободные выборы» и референдум. Особо отмечалось, что «никто не может присваивать власть в Российской Федерации»²³.

Также, принятая после насильственного подавления высшего государственного органа власти – Верховного Совета и его безоружных защитников, Конституция провозглашала неотъемлемые права и

¹⁸ «Общая газета». № 11 за 2000.

¹⁹ Рубби А. Указ соч. – С. 222.

²⁰ Новая еженедельная газета. № 45 от 22.10.1993.

²¹ Аргументы и Факты.

²² Конституция Российской Федерации. М. Издательство «Омега-Л», 2010. – С. 3.

²³ Там же.

свободы, характерные для мирового общедемократического процесса: свобода собраний, право на деятельность общественных и профессиональных объединений, свобода распространять и получать информацию, и проч.

Выводы. Вне всякого сомнения, данные права и свободы были включены в Основной закон страны его авторами непосредственно под давлением октябрьских событий 1993 г. в Москве *вопреки* популярной среди президентского окружения концепции «переходного периода в виде авторитаризма» и «усиления власти лидера-реформатора».

Подобное противоречие, заложенное в самую основу нового политического режима, стремившегося обрести политическую легитимность после сентябрьско-октябрьского государственного переворота, определило все последующее десятилетие постсоветской России. Вне всякого сомнения, данные противоречия, заложенные новой Конституцией РФ 1993 г., являются определяющими в современной жизни страны, в ее политической, социальной, экономической сферах.

Источники и литература:

1. Конституция Российской Федерации. М. : «Омега-Л», 2010. – С. 3.
2. Журнал российского права № 9 за 2000.
3. Литературная газета. 16.08.1987.
4. Новая еженедельная газета. № 45 от 22.10.1993
5. Общая газета. № 11 за 2000.
6. Россия-2000. Современная политическая история (1985-1999). Т.1 : Хроника и аналитика. М., 2000. –С. 733.
7. Рубби А. Ельциниада. Первое десятилетие постсоветской России / А. Рубби. / Пер. с итал. – М. : Междунар. отношения, 2004. – 480 с.
8. Смирнов В. М. Афера на выборах / В. М : Смирнов. – М. : Алгоритм, 2008. – 240 с.
9. Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. / Л. Шевцова. М. : РОССПЭН, 1999. – 535 с.

Сайгушкина Т.П.

УДК 37.09

ПЕТР АРКАДЬЕВИЧ СТОЛЫПИН КАК ВОПЛОЩЕНИЕ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Аннотация. В статье рассматривается личность министра внутренних дел и председателя Совета министров Российской империи П.А. Столыпина в применении к понятию «интеллигентность». Сравниваются различные определения этого термина. Изучаются особенности значения слов «интеллигенция», «интеллигент», «интеллигентность» в отечественной культуре. Предполагается, что истоки этих особенностей – в православной этике и культуре. На основе хронологического метода петербургского культуролога М.С. Кагана предполагается, к какому типу интеллигента относится Петр Аркадьевич Столыпин.

Ключевые слова: менталитет, интеллигент интеллигенция интеллигентность

Анотація. У статті розглядається особистість міністра внутрішніх справ і голови Ради міністрів Російської імперії П.А. Столипіна в застосуванні до поняття «інтелігентність». Порівнюються різні визначення цього терміна. Вивчаються особливості значення слів «інтелігенція», «інтелігент», «інтелігентність» у вітчизняній культурі. Передбачається, що витоки цих особливостей - у православній етиці та культурі. На основі хронологічного методу петербурзького культуролога М.С. Кагана передбачається, до якого типу інтелігента відноситься Петро Аркадійович Столипін.

Ключові слова: менталітет, інтелігент інтелігенція інтелігентність

Summary: The article studies the personality of the statesman, the Minister of Internal Affairs and the Chairman of the Council of Ministers of the Russian Empire, Pyotr Stolypin (1862-1911) in the light of the concept of "intelligence" on the example of his biography: public and state activities, human appearance, personal and family life. The personality of Pyotr Arkadyevich Stolypin with the beginning of perestroika and changes in the political and economic system calls for an attention of historians, economists, politicians, and sociologists. It is interesting to study the life and activity of this very person with moral and philosophic point of view. The various definitions of the term "the intelligentsia" are compared with each other. The meanings of the words "the intelligentsia", "intellectual", and "intelligence" in the Russian culture are carefully studied. It is assumed that the origins of these features are in the Orthodox ethics and culture. The St. Petersburg culture expert M.S. Kagan has determined several types of the Russian intellectual (noble intellectual, intellectual-commoner, and proletarian intellectual). P.A. Stolypin's quotes from his speeches in the State Duma gave the opportunity to include Pyotr Arkadyevich to one or another type of the intellectual. The personality of Stolypin correlated with other examples of Russian intellectuals. It is possible to conclude that Stolypin is an example of a noble family of intellectuals which proved his selfless service to the country and people.

Key words: mentality, intellectual, the intelligentsia, intelligence.

Постановка проблемы. Личность Петра Аркадьевича Столыпина с начала перестройки и изменения политической и экономической системы привлекает внимание историков, экономистов, политиков, социологов. Нам интересно посмотреть на жизнь и деятельность этого человека с нравственно-философской точки зрения.